УДК 821.111(73)+ 821.161.1
ББК 83.3(7Сое)7 +
83.3(2Рос=Рус)7

НЬЮ-ЙОРКСКИЙ ТЕКСТ СОВРЕМЕННОЙ РУССКО-АМЕРИКАНСКОЙ ПРОЗЫ

© 2019 г. Е.М. Бутенина

*Дальневосточный федеральный университет
Владивосток, Россия*

Дата поступления статьи: 18 февраля 2019 г.

Дата публикации: 25 сентября 2019 г.

DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-3-158-171

Аннотация: С опорой на классические работы Ю.М. Лотмана и В.Н. Топорова о семиотике города в статье анализируются особенности нью-йоркского текста в англоязычной русско-американской прозе, где получает развитие «гудзонская нота» русской литературы, впервые прозвучавшая в конце XIX в. Многие русские иммигранты четвертой волны — Гари Штейнгарт, Лара Вапняр, Ирина Рейн, Кит Гессен, Михаил Идов, Аня Улинич — живут в Нью-Йорке и подчеркивают свою нью-йоркскую творческую идентичность. Многие из них — профессиональные филологи, и для осмысления своего межкультурного статуса они нередко переносят черты самого литературного русского текста — петербургского — в нью-йоркский текст. В статье делается вывод, что русско-американская литература вобрала многие ключевые черты петербургского текста и перенесла их в нарратив о самом иммигрантском городе Америки: это эксцентричность (положение «на краю»), эсхатологический миф, (мета)литературность, театральность, «транзитность». В повествовании о жизни в иммиграции сосуществование двух культур находит естественное выражение в гибридизации художественного пространства. Однако в результате этого культурного трансфера Нью-Йорк в русско-американской прозе предстает менее трагическим литературным «братом» Петербурга.

Ключевые слова: петербургский текст, нью-йоркский текст, русско-американская проза четвертой волны, культурный трансфер.

Информация об авторе: Евгения Михайловна Бутенина — доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Дальневосточный федеральный университет, о-в Русский, 690022 г. Владивосток, Россия. ORCID ID: 0000-0003-0573-9632

E-mail: butenina.em@dvfu.ru

Для цитирования: Бутенина Е.М. Нью-йоркский текст современной русско-американской прозы // Studia Litterarum. 2019. Т. 4, № 3. С. 158–171.

DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-3-158-171

THE NEW YORK TEXT IN CONTEMPORARY RUSSIAN-AMERICAN FICTION

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2019. E.M. Butenina

*Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Russia*

Received: February 18, 2019

Date of publication: September 25, 2019

Abstract: Stemming from the classical studies by Yuri Lotman and Vladimir Toporov on urban semiotics, the paper focuses on the main features of the so called New York text of Anglophonic Russian American fiction where the “Hudson note” of Russian literature that appeared in the 19th century gains force. Many Russian immigrants of the fourth wave — Gary Shteyngart, Lara Vapnyar, Irina Reyn, Keith Gessen, Michael Idov, and Anya Ulinich — live in New York and emphasize their New York identity as authors. All of them are professional philologists who, unlike all the previous generations of immigrants, received their education in the USA. To perceive their intercultural status, they transfer some features of the most literary-centric Russian text — that of Petersburg — onto the New York text. The paper argues that Russian-American literature grasped some of the main features of the Petersburg text and transferred them into the narrative of the most immigrant American city: these are eccentricity (the location “on the edge”), eschatological myth, the (meta)literary, theatricality, and transitory state. Thus, the coexistence of two cultures finds its natural expression in the hybridization of the textual space within the immigration narrative framework. However, as a result of such cultural transfer, New York becomes a less tragic literary “brother” of Petersburg, to echo the line of Osip Mandelshtam’s apocalyptic poem that gave name to *Petropolis* by Anya Ulinich.

Keywords: Petersburg text, New York text, Russian-American literature of the fourth wave, cultural transfer.

Information about the author: Evgenia M. Butenina, DSc in Philology, Associate Professor, Department of Linguistics and Intercultural Communication, Far Eastern Federal University, Russky Island, FEFU campus, 690922 Vladivostok, Russia.

ORCID ID: 0000-0003-0573-9632

E-mail: butenina.em@dvfu.ru

For citation: Butenina E.M. The New York Text in Contemporary Russian-American Fiction.

Studia Litterarum, 2019, vol. 4, no 3, pp. 158–171. (In Russ.)

DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-3-158-171

Появление «гудзонской ноты» [4] в русской литературе датируют концом XIX в.: это рассказ В. Короленко «Без языка» (1894). В XX в. путевые заметки русских писателей о Нью-Йорке стали довольно популярным жанром, которому отдали дань М. Горький («Город желтого дьявола», 1906), С. Есенин («Железный Миргород», 1923), В. Маяковский («Мое открытие Америки», 1925), Б. Пильняк («О'кей. Американский роман», 1933), И. Ильф и Е. Петров («Одноэтажная Америка», 1936) (см.: [14]). В новом столетии нью-йоркский текст продолжается в англоязычной прозе русских иммигрантов четвертой волны.

В истории русско-американской литературы проза Владимира Набокова долгое время оставалась единственным признанным транслингвальным феноменом (опытом творчества на неродном языке). Свободно владевший английским языком Василий Аксёнов предпринял лишь одну, не имевшую успеха попытку написать англоязычный роман (*Yolk of the Egg*, 1989) и затем сам перевел его на русский язык («Желток яйца»). Многие другие русские авторы в США, наибольшей популярности среди которых достиг Сергей Довлатов, продолжали писать по-русски и были практически неизвестны американскому читателю, о чем сетовал, например, известный славист-иммигрант Саймон Карлинский в антологии с говорящим названием «Горький воздух изгнания: русские писатели на Западе», 1922–1972 (*The Bitter Air of Exile: Russian Writers in the West*, 1977).

Символично и название монографии Элизабет К. Божур «Чужие наречья: русские писатели-билингвы “первой” эмиграции» (1989), содержащее отсылку к строке Мандельштама «Не искушай чужих наречий, но

постарайся их забыть...». Словам Мандельштама созвучно стихотворение Набокова «К России» (1939), знаменующее переход с русского языка на английский: «<...> обескровить себя, искалечить, / не касаться любимейших книг, / променять на любое наречье / все, что есть у меня, — мой язык». Не менее мучительно воспринимал Набоков и опыт автоперевода, сравнивая этот процесс с выворачиванием внутренностей и попыткой надеть их, словно пару перчаток [15, с. 90].

Иммигранты четвертой волны, покинувшие СССР в 1970–1980-е гг., нередко еще в детском возрасте, вместе с родителями, воспринимают транслингвальный переход не так драматично. В этом можно убедиться, обратившись, например, к роману Михаила Идова «Кофемолка» (*Ground Up*, 2009), написанному по-английски и переведенному на русский язык автором. Предисловие к русской версии своей книги Идов начинается сравнением перевода с пересадкой лица, а автоперевода — с дополнительной косметической операцией. Однако, несмотря на сохранение медицинской метафоры, болезненность описываемой процедуры сильно отличается от набоковской, и монолог Идова выдержан в легкой самоироничной интонации: «В том, что вы прочтете, по моим подсчетам, осталось процентов семьдесят пять от оригинала. Пересадки не пережила масса дорогих мне каламбуров. Организм пациента отторгнул все попытки перевести рэп во второй главе» [7, с. 11–12].

Многие современные русско-американские писатели — Гари Штейнгарт, Лара Вапняр, Ирина Рейн, Кит (Константин) Гессен, Михаил Идов, Аня Улинич — живут в Нью-Йорке и подчеркивают свою даже не американскую, а нью-йоркскую творческую идентичность. Важно и то, что многие из них — профессиональные филологи, но, в отличие от своих предшественников, они получили образование в США и, таким образом, приобрели опыт изучения русской литературы с инокультурной точки зрения. Для осмысления своего межкультурного статуса некоторые из них переносят черты самого литературного русского текста — петербургского¹ — в нью-йоркский текст.

Именно Нью-Йорк (изначально «Нью-Амстердам»), а не Вашингтон или Лос-Анджелес, можно назвать американским Петербургом по несколь-

1 Петербургский текст так же значим для русских иммигрантов, см.: [2].

ким причинам. Два города-порта, расположенные у реки и на островах и построенные по модели общих европейских «предков», Венеции и Амстердама, обнаруживают такие общие черты, как расположенность к внешним влияниям, придающая им «статус иностранцев в своих империях», вертикальность, рациональность, «маскулинность», что позволило русским иммигрантам сравнивать Бродвей с Невским, Эмпайр-стейт-билдинг — с Адмиралтейством, Гудзон — с Невой [18].

Положение эксцентрического города «на краю», по Лотману, определяет его разомкнутость и открытость к культурным контактам, а также оппозицию к концентрическому городу «на горе» [9]. В русской литературе это оппозиция Петербурга и Москвы, а в русско-американской — оппозиция Нью-Йорка и Лос-Анджелеса: так, «антитеррой» называет калифорнийский порт Михаил Идов [7, с. 149], несмотря на то что этот город географически тоже находится «на краю». Довлатовский рассказчик в романе «Филиал» подчеркивает курортную нарочитость и искусственность голливудского мегаполиса — «странный город, напоминающий Ялту»; «город, изготовившийся для кинопробы» — и отдает предпочтение Нью-Йорку [6, т. 3, с. 208]. Современные русские иммигранты, как и Довлатов, считают Лос-Анджелес менее творческим и более рассудочным, с четким распорядком жизни на многие месяцы, лишенным нью-йоркского духа свободы: характерно, что герой Кита Гессена вспоминает, как «копы на лошадях прогнали нас с Демократической конвенции» именно в «городе ангелов» [16, с. 170].

Москва тоже в какой-то мере антипод Нью-Йорка, поскольку отторгает даже потенциальных изгнанников: американский герой Гессена знакомится с будущей женой в российской столице, и во всем городе для них «не было места, чтобы присесть», поэтому с ним надо было «покончить» и переехать в Нью-Йорк [16, с. 5]. Именно московский профессор, прибывший в США по приглашению на один семестр, говорит героине Эллен Литман, выбравшей тему научной работы о русском зарубежье: «Иммиграция — это смерть. Русский поэт не может выжить в иммиграции» [19, с. 106]. В имени северной столицы, напротив, будущие иммигранты хотят слышать созвучие с названием их американского пристанища: «Петербург или Питтсбург почти одно и то же» [19, с. 35]. В рассказе Лары Вапняр противопоставляются два типа иммигрантов: москвичка, перечисляющая при знакомстве в русском клубе все бывшие профессорские регалии, и петербурженка, просто

сообщающая, откуда она родом [26, с. 87]; одна обращена в прошлое, другая готова создавать новую биографию.

Нью-Йорк совпадает с Петербургом в восприятии времени, ориентированном в будущее. В романе Гессена один из героев делает выбор в пользу небольшого городка Сиракьюс, поскольку тот «задает меньше вопросов и предъявляет меньше требований» [16, с. 190], тогда как Нью-Йорк не дает ему преодолеть состояние бездомности, неустроенности и раздвоенности. Однако однажды этот герой уезжает в Сиракьюс на полдня и исчезает бесследно. Рассказчик романа, напротив, выбирает «Большое яблоко» и именно в этом городе собирается стать отцом «левофланговых малышей» [16, с. 255].

Нью-Йорк в иммигрантской литературе нередко осмысливается в соотношении с другими городами и притягивает к себе, несмотря ни на что. Так, в описаниях Довлатова Нью-Йорк «ужасен», безумен, это город-происшествие, город-зрелище, «его архитектура напоминает кучу детских игрушек», и в то же время он реален и «совершенно не вызывает музейного трепета», поэтому в нем каждый может найти себе место, это «окончательный» город [5, с. 94–95]. Рассказчик в романе Гари Штейнгарта «Приключения русского дебютанта» называет Нью-Йорк «столицей недружелюбного движения» (*disaffected movement*), а своих знакомых — «сердитыми маргиналами с артистическими убеждениями» [24, с. 192]. Однако этот затопленный влажным желтым смогом, от которого даже луна кажется «серой и высокомерной», город-«решетка» тем не менее воспринимается героями как «центр галактики» [24, с. 160, 268].

Положение «на краю» неразрывно связано с эсхатологическим мифом Петербурга «о том, как космос растворяется в хаосе, одолевается им, и этот хаос — по преимуществу водный» [13, с. 47]. Русские писатели, приезжающие в Нью-Йорк, порой переносят этот миф на американский город. Символичны строки А. Наймана из цикла «Вода Невы и Гудзона»:

А город, по сути, что здесь, что тогда — Амстердам:
тот петрографический, камнем расчирканный короб,
в который суда волокут груз, вода — хлам,
над вечной рекой ждущий конца город
(цит. по: [11, с. 150]).

В ХХI в. при трансфере в нью-йоркский текст образ Петербурга утрачивает трагичность. Непосредственное аллюзивное уподобление двух городов порой приобретает ироническую ноту, как в эссе Т. Толстой «Ураган» (2012), где Петрополь в пушкинской строке из «Медного всадника» заменен на нью-йоркский топос: «И всплыл Манхеттен, как тритон, по пояс в воду погружен» [12, с. 134].

В романе Ани Улинич «Петрополь» оказывается возможным преодоление мифа города, ушедшего в небытие. Действие романа начинается в «анти-Петербурге», сибирском поселении Асбест-2, а северная столица присутствует только в воспоминаниях и мечтах героинь старшего поколения. В главе «Tristia» писательница полностью приводит свой перевод лейтмотивного для ее романа стихотворения Мандельштама «На страшной высоте блуждающий огонь...». Вскоре мать молодой героини театрализуется собственную смерть, воссоздавая петербургский сюжет превращения водной стихии в камень: зимой она остается ночевать в холодной библиотеке с книгой Мандельштама. Ночью разрывается труба с замерзшей водой, и женщину находят превратившейся в ледяную статую.

Однако иммиграция младшей героини, Саши Голдберг, в Нью-Йорк позволяет ей избавиться от апокалиптического бремени анти-Петербурга. Роман заканчивается символичным описанием того, как Саша идет по обледелым улицам Бруклина «все более широким шагом и ждет, что поскользнется, но странным образом тротуар оказывается не по-бруклиновски ровным, и она добирается до дома без падений» [25, с. 325]. Городское пространство словно подчиняется своей новой жительнице и поддерживает ее в прямом и переносном смысле.

Петербург и Нью-Йорк по праву считаются самыми «литературными» городами в своих национальных культурах. Нью-Йорк приобрел этот статус в ХХ в., в том числе благодаря писателям-иммигрантам из России. Не случайно именно в Нью-Йорке выходила старейшая русскоязычная газета за рубежом «Новое русское слово», отметившая свое столетие в 2010 г. (однако эта значимая дата завершила историю издания). Джон Глэд, анализируя особенности поэтики иммигрантской прозы третьей волны, говорит о «возрождении натуральной школы» в образах «потомков» героев Гоголя и Достоевского [17, с. 458]. Петр Вайль заметил, что Нью-Йорк — город «умышленный хлеще Петербурга», а главными его мифотворцами назвал

О. Генри и Довлатова, обнаруживая у писателей немало общего [3, с. 475]. Литературная соотнесенность двух городов отличает и восприятие И. Бродского, перефразировавшего слова А.С. Пушкина о Летнем саде: «Нью-Йорк — мой огород. Выходишь на улицу в туфлях и в халате» [1, с. 153].

Литературное начало структурирует нью-йоркский роман Лары Вапняр «Мемуары музы», в котором писательница использует материалы о жизни Ф.М. Достоевского (главным образом, дневники и письма А.П. Сусловой и ее биографическую новеллу «Чужая и свой») и роман «Игрок», чтобы создать пародийную модернизацию отношений классика и его музы. Приехав в Нью-Йорк, героиня Вапняр, Татьяна, пристально вглядывается в фотографию с изображением Центрального парка и привлекают ее не столько деревья и «похожие на замки здания», сколько фигура читающего человека, напомнившего ей портрет русского классика из школьных учебников и «расплывчатое лицо мужчины ее мечты» [27, с. 81]. В парке ей кажется, что она — «героиня», а все вокруг — «часть декорации» для главной роли ее жизни. Татьяне удастся ненадолго осуществить свою мечту и стать «музой» американского писателя, живущего в квартире с видом на Центральный парк, но его сходство с Достоевским ограничивалось наличием бороды, поэтому отношения вскоре иссякли.

Литературность Петербурга и Нью-Йорка неотделима от театральности этих городов (термин Ю.М. Лотмана). Искусственную, зрелищную природу Нью-Йорка отмечали еще русские писатели, посетившие его в первой трети XX в. В.В. Маяковский нашел, что «в Нью-Йорке многое для декорации, для виду» [10, с. 718]. И. Ильф и Е. Петров сочли, что «Нью-Йорк сам гремит и сверкает почище всякой бури. Это мучительный город. Он заставляет все время смотреть на себя. От этого города глаза болят. Но не смотреть на него невозможно» [7, с. 69].

В театральном городе и жизнь можно творить, как роман или пьесу, что акцентируется в другом литературном русско-американском романе «Что случилось с Анной К.» Ирины Рейн. Прекрасный ранней осенью, этот город «фальшивых обещаний» словно «создал декорации для сцены любви», и Анна решила «воспользоваться реквизитом» [21, с. 113, 207]. Центральный парк — нью-йоркский Летний сад — особенно располагал к прогулкам и совместному чтению с героем ее трагического жизненного романа. О вечной маске Нью-Йорка и тех, кто сделал этот город своим, говорит и

Кит Гессен в романе «Все литераторы печальные» (2008)²: «Нью-Йорк стал богаче и глянцево, и я тоже, в глубине он никак не изменился, и я тоже» [16, с. 249].

Словно реализуя довлатовскую метафору о нью-йоркской архитектуре как куче детских игрушек (которые можно воспринять и как театральный реквизит), герой романа Г. Штейнгарта «Абсурдистан» Миша Вайнберг называет башни-близнецы Леня и Гаврил и умоляет «иконических громадин» сделать его похожим на них, «стройных, безмолвных, непобедимых» [22, с. 29]. Миша мечтает раствориться в стихии Нью-Йорка. Он любит прижаться к окнам своей квартиры в небоскребе с видом на Статую Свободы, чтобы городские огни как будто «мерцали у него внутри». Из-за проблем с выездной визой вынужденно оказавшись пленником «Ленинбурга» (так писатель неоднократно называет город, где родился), этот герой всей душой стремится домой, в Нью-Йорк, однако Бруклин называет «обломовским раем» [22, с. 19], т. е. сохраняет русскую литературную ноту в описании американского города.

Петербург и Нью-Йорк — транзитные города, и среди их главных «топографических и культурно-исторических индексов» (термины В.Н. Топорова) — вокзалы и мосты. Старейший Центральный вокзал Нью-Йорка многими воспринимается как собор — таким его видит и герой Гессена. Грандиозно выглядел когда-то и второй знаменитый вокзал города, Пенсильванский, полностью перестроенный в конце 1960-х, после чего известный историк архитектуры Винсент Скалли сказал: «Прежде в город въезжали, как боги. Теперь забираются, словно крысы» [20]. Герой Гессена приводит лишь первую часть этой цитаты и добавляет, что чувствовал себя почти богом, когда приехал на Центральный вокзал ранним вечером, но к полуночи оказался без ночлега и вынужден добираться домой в соседний городок: «Я мгновенно потерял вкус к Нью-Йорку. Я шел, замерзший и несчастный, <...> и думал обо всех этих квартирах, среди которых не было моей, и о людях, живущих в них. Такое внутри них тепло! Такая несправедливость!» [16, с. 140]. Современный Пенсильванский вокзал символизирует мрачную стору Нью-Йорка — «обычный сумасшедший дом, темный, переполненный, лишенный достоинства», говорит о нем Ирина Рейн [21, с. 188].

² Аллюзия на сборник рассказов Ф.С. Фицджеральда «Все эти юноши печальные» (*All the Sad Young Men*, 1926).

Городские мосты определяют «коэффициент “прерывности” – “непрерывности”, или “разъединенности” – “слитности” (соотношение пространств, внутри которых коммуникация совершается легко, во всяком случае беспрепятственно, из улицы в улицу, к пространствам, достижение которых из данного связано с затруднениями)» [13, с. 40]. Благодаря мостам совершаются мгновенные переходы из мрака к свету — так, по мосту Куинсборо можно попасть из «самого грязного района Куинс, где высаживают заключенных тюрьмы Райкерс» на Манхэттен [16, с. 240]. По нижнему ярусу Манхэттенского моста проложены линии метро, и многим, кто не может позволить себе блеск центрального района мегаполиса, остается лишь из окна поезда «смотреть с благоговением и трепетом на великолепие небоскребов» [16, с. 190]. Именно «длинное ожерелье» Манхэттенского, Бруклинского и Вильямсбургского мостов создает Нью-Йорк, и когда герой антиутопии Гари Штейнгарта «Супергрустная правдивая история любви» смотрит на это «ожерелье» и задается вопросом, уцелел ли его город, то отвечает себе утвердительно «с упрямым отчаянием» и обещает любить его еще больше, «до тех пор, пока он снова не станет моим» [23, с. 96].

Город приезжих — это город возможностей. В иммигрантском городе любой может примерить на себя роль «демиурга» и попытаться создать в нем свое микропространство. Для героев автобиографического романа Михаила Идова «Кофемолка» — это кофейня, «тускло освещенный закуток, который [мы] выкроили сами для себя из этого невозможного города» [7, с. 202]. На «мостике своего корабля-призрака» супруги пытаются удержаться на плаву, но им это удастся ненадолго: город-кофемолка побеждает их замысел за несколько месяцев. Однако главное отличие нью-йоркского русско-американского текста от петербургского — в отсутствии отчаяния, даже в бедности и после поражений. Рассказчик Идова в конце романа выходит на пустую улицу и замечает, что слышать «собственные шаги — редкая роскошь в этом городе» [7, с. 398]. Предпринимательская неудача позволяет ему начать давно задуманный роман и с его помощью попытаться найти утраченное взаимопонимание с женой.

Нью-Йорк в русско-американской прозе предстает менее трагическим литературным братом Петербурга. Так, ключевая для петербургского текста тема отчаянного безденежья, эпиграфом к которой могла бы послужить строка Мандельштама «Чудак Евгений бедности стыдится...»,

сохраняется в нью-йоркском тексте, но без ноты мучительности. Кит Гессен начинает свой роман фразой «в Нью-Йорке они сэкономили», но описание этой экономии, больше похожей на увлекательную игру, подытоживает такой сентенцией: «Быть бедным в Нью-Йорке унижительно, немного, но быть молодым — быть молодым божественно» [16, с. 3].

Многие русско-американские авторы (Штейнгарт, Вапняр, Литман, Гессен, Идов) отчасти пародируют иммигрантские сюжеты, что свойственно американской традиции изображения Нью-Йорка, и стремятся «поместить русское происхождение в арьергард, а не авангард своей прозы» и таким образом выйти за пределы «русско-американского гетто» [28, с. 296]. Нью-йоркский текст в их прозе нечасто сопоставляется с петербургским непосредственно, но это соотношение присутствует неявно и подчеркивает своеобразие идентичности авторов и их героев. Одна из особенностей современной русско-американской прозы состоит в том, что она вобрала многие ключевые черты петербургского текста и отчасти перенесла их в нью-йоркский текст: это эксцентричность (положение «на краю»), эсхатологический миф, (мета)литературность, театральность, «транзитность». Так в повествовании о жизни в иммиграции сосуществование двух культур находит естественное выражение в гибридизации художественного пространства.

Список литературы

- 1 *Бродский И.А.* Пересеченная местность. Путешествия с комментариями. Стихи / сост. и автор послесловия П. Вайль. М.: Независимая газета, 1995. 197 с.
- 2 *Бутенина Е.М.* Петербургский текст современной русско-американской прозы // Вопросы литературы. 2017. № 3. С. 289–301.
- 3 *Вайль П.Л.* Гений места. М.: Независимая газета, 1999. 488 с.
- 4 *Волков С., Пани Л.* Мы подкидыва станем качать («гудзонская нота» в русской поэзии) // Арион. 2000. № 2. С. 84–93.
- 5 *Довлатов С.Д.* Марш одиноких. Boston: New England Pub. Co., 1983. 223 с.
- 6 *Довлатов С.Д.* Собрание прозы: в 3 т. СПб.: Лимбус-пресс, 1995.
- 7 *Идов М.* Кофемолка / пер. с англ. Л. Идова, М. Идов. М.: Corpus, Астрель, 2010. 416 с.
- 8 *Ильф И., Петров Е.* Одноэтажная Америка // Ильф И., Петров Е. Собр. соч.: в 3 т. М.: РИПОЛ классик, 2008. Т. 2. 624 с.

- 9 *Лотман Ю.М.* Символика Петербурга и проблемы семиотики города // *Лотман Ю.М.* Избранные статьи: в 3 т. Таллинн: Александра, 1992. Т. 2. С. 9–21.
- 10 *Маяковский В.В.* Мое открытие Америки // *Маяковский В.В.* Соч.: в 2 т. М.: Правда, 1987. Т. 1. С. 653–732.
- 11 *Панн Л.* Аритмия пространства // *Новый мир.* 2003. № 10. С. 142–151.
- 12 *Толстая Т.Н.* Легкие миры. М.: АСТ, 2014. 477 с.
- 13 *Топоров В.Н.* Петербургский текст русской литературы: Избранные труды. СПб.: Искусство-СПБ. 2003. 616 с.
- 14 *America through Russian Eyes, 1874–1926 / Ed., tr. O.P. Hasty, S. Fusso.* New Haven, CT: Yale University Press, 1988. 226 p.
- 15 *Beaujour E.K.* Alien Tongues: Bilingual Russian Writers of the ‘First’ Emigration. N.Y.: Cornell University Press, 1989. 263 p.
- 16 *Gessen K.* All the Sad Young Literary Men. N.Y.: Viking, 2008. 256 p.
- 17 *Glad J.* Russia Abroad. Writers, History, Politics. Tenaflly, NJ: Hermitage & Birchbark Press, 1999. 736 p.
- 18 *Klots Y.* “The Ultimate City”: New York in Russian Immigrant Narratives // *Slavic and East European Journal.* 2011. 55. No 1. P. 38–57.
- 19 *Litman E.* The Last Chicken in America. N.Y.: Norton, 2007. 236 p.
- 20 *Muschamp H.* Architecture View; In This Dream Station Future and Past Collide // *The New York Times.* 1993. June 20. URL: <http://www.nytimes.com/1993/06/20/arts/architecture-view-in-this-dream-station-future-and-past-collide.html?pagewanted=all> (дата обращения: 15.02.2019)
- 21 *Reyn I.* What Happened to Anna K. N.Y.: Touchstone, 2008. 244 p.
- 22 *Shteyngart G.* Absurdistan. N.Y.: Random House, 2006. 352 p.
- 23 *Shteyngart G.* Super Sad True Love Story. N.Y.: Random House, 2010. 334 p.
- 24 *Shteyngart G.* The Russian Debutante’s Handbook. N.Y.: Riverhead Penguin Putnam, 2002. 452 p.
- 25 *Ulinich A.* Petropolis. N.Y.: Penguin Books, 2008. 324 p.
- 26 *Vapnyar L.* Broccoli and Other Stories of Food and Love. N.Y.: Pantheon Books, 2008. 208 p.
- 27 *Vapnyar L.* Memoirs of a Muse. N.Y.: Vintage International, 2006. 212 p.
- 28 *Wanner A.* Moving beyond the Russian-American Ghetto: The Fiction of Keith Gessen and Michael Idov // *The Russian Review.* 2014. № 73. P. 281–296.

References

- 1 Brodskii I.A. *Peresechennaia mestnost'. Puteshestviia s kommentariiami. Stikhi* [Crossed terrain. travelling with commentaries. Poems], comp. by and with an afterword by P. Vayl'. Moscow, Nezavisimaia gazeta Publ., 1995. 197 p. (In Russ.)
- 2 Butenina E.M. *Peterburgskii tekst sovremennoi russko-amerikanskoi prozy* [The Petersburg text of contemporary Russian-American fiction]. *Voprosy literatury*, 2017, no 3, pp. 289–301. (In Russ.)
- 3 Vail' P.L. *Genii mesta* [Genius loci]. Moscow, Nezavisimaia gazeta Publ., 1999. 488 p. (In Russ.)
- 4 Volkov S., Pann L. *My podkidyshta stanem kachat'* ("gudzonskaia nota" v russkoi poezii) [We will nurture a founding (a "Hudson note" in Russian poetry)]. *Arion*, 2000, no 2, pp. 84–93. (In Russ.)
- 5 Dovlatov S.D. *Marsh odinokikh* [The march of single people]. Boston, New England Pub. Co., 1983. 223 p. (In Russ.)
- 6 Dovlatov S.D. *Sobranie prozy: v 3 t.* [Collection of fiction: in 3 vols.]. St. Petersburg, Limbus-press Publ., 1995. (In Russ.)
- 7 Idov M. *Kofemolka* [A coffee-grinder], transl. from English by L. Idova and M. Idov. Moscow, Corpus, Astrel' Publ., 2010. 416 p. (In Russ.)
- 8 Il'f I., Petrov E. *Odnoetazhnaia Amerika* [One-storey America]. *Sobranie sochinenii: v 3 t.* [Collection works: in 3 vols.]. Moscow, RIPOL klassik Publ., 2008. Vol. 2. 624 p. (In Russ.)
- 9 Lotman Iu.M. *Simvolika Peterburga i problemy semiotiki goroda. Izbrannye stat'i: v 3 t.* [The Symbolism of Petersburg and issues of urban semiotics. Selected articles in 3 vols.]. Tallinn, Aleksandra Publ., 1992, vol. 2, pp. 9–21. (In Russ.)
- 10 Maiakovskii V.V. *Moe otkrytie Ameriki* [My discovery of America]. *Sochineniia: v 2 t.* [Collection: in 2 vols.]. Moscow, Pravda Publ., 1987, vol. 1, pp. 653–732. (In Russ.)
- 11 Pann L. *Aritmiia prostranstva* [The arrhythmia of space]. *Novyi mir*, 2003, no 10, pp. 142–151. (In Russ.)
- 12 Tolstaia T.N. *Legkie miry* [Light worlds]. Moscow, AST Publ., 2014. 477 p. (In Russ.)
- 13 Toporov V.N. *Peterburgskii tekst russkoi literatury: Izbrannye trudy* [The Petersburg text of Russian literature. Selected works]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPB Publ., 2003. 616 p. (In Russ.)
- 14 *America through Russian Eyes, 1874–1926*, ed., tr. O.P. Hasty, S. Fusso. New Haven, CT, Yale University Press, 1988. 226 p. (In English)
- 15 Beaujour E.K. *Alien Tongues: Bilingual Russian Writers of the 'First' Emigration*. New York, Cornell University Press, 1989. 263 p. (In English)
- 16 Gessen K. *All the Sad Young Literary Men*. New York, Viking, 2008. 256 p. (In English)
- 17 Glad J. *Russia Abroad. Writers, History, Politics*. Tenafly, NJ, Hermitage & Birchbark Press, 1999. 736 p. (In English)

- 18 Klots Y. "The Ultimate City": New York in Russian Immigrant Narratives. *Slavic and East European Journal*, 2011, 55, no 1, pp. 38–57. (In English)
- 19 Litman E. *The Last Chicken in America*. New York, Norton, 2007. 236 p. (In English)
- 20 Muschamp H. Architecture View; In This Dream Station Future and Past Collide. *The New York Times*. 1993, June 20. Available at: <http://www.nytimes.com/1993/06/20/arts/architecture-view-in-this-dream-station-future-and-past-collide.html?pagewanted=all> (Accessed 15 February 2019). (In English)
- 21 Reyn I. *What Happened to Anna K*. New York, Touchstone, 2008. 244 p. (In English)
- 22 Shteyngart G. *Absurdistan*. New York, Random House, 2006. 352 p. (In English)
- 23 Shteyngart G. *Super Sad True Love Story*. New York, Random House, 2010. 334 p. (In English)
- 24 Shteyngart G. *The Russian Debutante's Handbook*. New York, Riverhead Penguin Putnam, 2002. 452 p. (In English)
- 25 Ulinich A. *Petropolis*. New York, Penguin Books, 2008. 324 p. (In English)
- 26 Vapnyar L. *Broccoli and Other Stories of Food and Love*. New York, Pantheon Books, 2008. 208 p. (In English)
- 27 Vapnyar L. *Memoirs of a Muse*. New York, Vintage International, 2006. 212 p. (In English)
- 28 Wanner A. Moving beyond the Russian-American Ghetto: The Fiction of Keith Gessen and Michael Idov. *The Russian Review*, 2014, no 73, pp. 281–296. (In English)